

А скрипка пела

День 9 мая 1965 года вспомнился мне в декабре прошлого — суетного, тяжелого, коварного — девяносто второго. Работая в архиве Одесского управления внутренней безопасности Украины (бывший КГБ), я наткнулся на следственное дело № 5178. В антисоветской националистической деятельности по статьям 54-10 часть вторая и 54-11 УК обвинялся наш земляк драматург Айзик Шмулевич Губерман.

Я встречал писателя несколько раз в Одесском отделении Союза писателей. Мы приветствовали друг друга, но никогда у нас не было ни дружеских, ни официальных бесед. И вдруг непредсказуемая встреча на Пушкинской в день двадцатилетия Победы. Айзик Губерман шел вместе с моим сокурсником по филологическому факультету университета и фронтовым побратимом, известным журналистом-фельетонистом Александром Шнайдером. А я вышагивал в университетской колонне демонстрантов. Ну как не поприветствовать Шуру (так мы, друзья — Костя Осипов, Володя Николаев, Петя Любаров, — называли Карпа Полубакова — Шнайдера). Я вскочил на тротуар. Обнялись, расцеловались.

— А это мой друг Айзик, — сказал Александр, показывая на писателя Губермана. — Знакомьесь.

— Да мы знакомы... — ответил я.

— А теперь будете друзьями. Айзик, — продолжал Александр, — Ваня мой добрый друг. Мы вместе учились — я на русском, он на украинском отделении. Встречались во время войны. Вместе лежали в госпитале в Перми — оба с осколками в ногах. Сколько тогда переговорили...

После того разговора, встречаясь с Губерманом в Союзе писателей или в театре оперетты, где с величайшим успехом шла по его либретто музыкальная комедия Оскара Сандлера "Дарите любимым тюльпаны", мы говорили о литературе и искусстве, об актерах Михаиле Водяном, Людмиле Сатосовой, Евгении Дембской, Юрии Дынове и о других, занятых в спектакле.

Иногда в этих беседах принимали участие Александр Шнайдер, литературный критик Ирма Друкер, прозаик Нотэ Лурье. Много было встреч и интересных разговоров. Но почему-то ни разу не всплывали воспоминания о трагических пятидесятых годах. И вот передо мной лежит следственное дело: постановление об аресте, протоколы допросов и очных ставок, обвинительное заключение, выписка из протокола № 20 Особого Со-

вещания при Министре Госбезопасности СССР от 19 мая 1951 года о мере наказания — 10 лет с отбыванием наказания в лагере № 2, г. Норильск.

Айзик Шмулевич Губерман был арестован 2 декабря 1950 года и определен под стражу во внутренней тюрьме УМГБ Одесской области. Этому акту предшествовали такие события.

В октябре 1946 года, демобилизовавшись из армии, Айзик Губерман возвращается в родную Одессу. Поселяется у своего друга, бывшего редактора газеты "Арбайтер" Соломона Борисовича Алика и сразу же включается в активную общественную и творческую работу. Пишет пьесы "Счастливая встреча" (1947) и "Стоит жить на свете" (1948). Его избирают секретарем партийной организации Одесского отделения Союза писателей (в КПСС он вступил в 1945 году). Писатель в гуще театральной жизни города. Организует литературные вечера, посвященные 30-летию со дня смерти выдающегося писателя Менделе Мойхер-Сфорима. Принимает непосредственное участие в восстановлении его памятника, разрушенного фашистами во время войны. Шел март 1947 года. Через два года Губерман стал душой юбилейного вечера, посвященного памяти основоположника еврейской литературы Шолом-Алейхема.

Но над писателем собираются черные тучи. После общегородского собрания интеллигенции (март 1949 года), выполняя его решения — "до конца разоблачить космополитов и антипатриотов", — проходит закрытое собрание писательской парторганизации. Ее секретарь Айзик Губерман обвиняется в сионизме, в пособничестве "космополитам и контрреволюционерам" Лурье, Друкеру и Вайнерману, в восхвалении "врагов народа" Михоэлса, Фефера, Квитко. Его освобождают от должности секретаря парторганизации, исключают из партии. В соответствующих документах значится, что Губерман был "беспринципным и хитрым врагом народа", что якобы еще с двадцатых годов он являлся членом сионистской организации, активно пропагандировал ее идеи в своих произведениях.

Какие приводились доказательства? "Идейно-порочное творчество". В чем состояла его порочность? Из архивов библиотеки было извлечено стихотворение "Моя анкета", написанное в 1928 году и напечатанное в журнале "Штерн" в 1929-ом.

На допросе следователь задает вопрос:

— Признаете вы порочность своего произведения "Моя анкета"?

Губерман: Да, признаю. В нем я оплакивал мелких торговцев, клеветал на советский строй. Я доказывал, что в анкете, которая заполняется при

приеме на работу или учебу, есть проклятый пятый пункт — национальность. Он гибельный для евреев. По такой анкете им закрыт путь в жизни. Это была клевета.

В следственном деле хранится фотокопия поэмы "Моя анкета", машинописный текст подстрочника и рукопись переводчика, доцента педагогического института К.П. Любарского. Эксперты — доценты филологического факультета госуниверситета Андрей Недзведский и Борис Шайкевич, поэт Иван Рядченко — в своем заключении писали, что не нашли ни национализма, ни антисоветской агитации и пропаганды. Были отмечены лишь художественные недостатки. Это неудивительно. Ведь ученые и поэт читали не оригинал, а подстрочник. Вот как он выглядит:

С горы вниз, с горы
Поломанная тележка.
По дороге сломалось колесо.
В отчаянии сидит мой отец,
Едет мой отец в ней
С горы вниз, с горы вниз.
Пропало колесо, осталось только три.
Плачет ось, тащит голову по земле.
Ничего не поможет, хоть ложись и кричи,
Хоть впрягись в тележку
Вместе с лошастью.
Ничего не поделаешь, горе мне, горе.
На трех прогнивших колесах
Далеко не уедешь.
Помни, если и твой сын
Будет заниматься торговлей, как ты,
Лучше ему не ехать,
Лучше вернуться назад.

Я попросил поэта и переводчика Александра Бейдермана прочитать оригинал и подстрочник поэмы и высказать свое мнение.

— Небо и земля, — сказал он. — В оригинале есть ритм, мелодика, символика. А главное — большая правда. Судьба молодого еврея с государственной партийной анкетой — это телега о трех колесах. Ведь так и было в двадцатые годы. Да разве только в двадцатые!..

На том допросе Айзик Губерман вынужден был говорить о порочности своей пьесы "Стоит жить на свете".

— Этой пьесой я разжигал националистические страсти, калечил моло-

дежь. Она шла в нашем Одесском еврейском театре и в других театрах. Пользовалась успехом. Я теперь понимаю, почему меня так хвалили артисты Государственного еврейского театра, почему ее взял к постановке Михоэлс. Читая на коллективе, слушая восторженные отзывы, я был ослеплен. Теперь я понимаю, что моя пьеса нужна была врагам народа для грязных дел.

Сегодня понятны причины этого самоговора: физическое насилие. Об этом Айзик Шмулевич рассказывал позже, при пересмотре дела.

— Я боялся, — с дрожью в голосе говорил писатель. — Меня не только били. Мне угрожали. Обещали арестовать жену и сына. Я воображал их муки, их боль. Я подписывал все, что мне давали.

Так было состряпано первое обвинение — идейно-порочное творчество.

Вторым значилось покровительство националистов Вайнермана, Друкера, Лурье.

— Они, — утверждал следователь, — арестованы, признали свою виновность, осуждены. Они и вас изблечили.

Как проверить эти утверждения? Расчет был "на авось" или, как говорил Айзик Шмулевич, — "на цу гундер". Но ложь сделала свое дело.

30 ноября 1950 года на основании собранных материалов (а в действительности — доносов-фальсификаций, добытых силовыми приемами дознания), Управление Министерства госбезопасности Одесской области принимает постановление об обыске и аресте. Составил этот документ заместитель начальника второго отдела УМГБ полковник Д. Левин. Санкционировал арест прокурор Одесской области старший советник юстиции Неганов. Первого декабря был выписан ордер № 280 на арест и обыск. В ночь с первого на второе эта акция была выполнена. Тогда же заполнена анкета арестованного. В протоколе обыска говорится об изъятии медали "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", о том, что арестуются и сжигаются рукописи пьес и новых книг "Девушка из Москвы", "Хатка біля річки" — всего 371 страница машинописи.

Сохранилась опись имущества — свидетельство "богатства" арестованного. В ней значатся два ковра и бывший в употреблении платяной шкаф, которые жена писателя — учительница школы № 92 — обещала под расписку-обязательство "никуда не выносить".

В ту же ночь с двух часов тридцати минут до трех часов пятидесяти минут состоялся первый допрос. Потом их было много, и все, как правило, в глубокое ночное время.

В эти трагические декабрьские ночи была арестована большая группа еврейских интеллигентов. Среди них:

Нисенцвейг Хаим Хешович, актер еврейского ансамбля, вынужденный работать после увольнения ткачом производственного комбината Укррыболовпотребсоюза;

Пясецкий Израиль Наумович, руководитель еврейского ансамбля песни, на момент ареста — заведующий клубом обкома потребкооперации;

Миндель Максим Ильич, директор вечерней школы молодежи;

Хейфец Хаим Лейбович, преподаватель истории в строительном техникуме;

Мерхер-Зельман Арон Моисеевич, художник, преподаватель архитектурно-художественного училища;

Спидлин Иосиф Михайлович, актер и режиссер еврейского театра.

Все они "сознались", что собирались вместе (это считалось "групповщиной", "организацией") на квартире у Ирмы Друкера (он обвинялся как идеолог одесских сионистов), слушали радиопередачи "Голос Израиля". Вели "откровенно националистические разговоры, клеветали на правительство и партию, призывали к активным действиям".

Мерхер: Я посещал квартиру Друкера. Мы вели разговоры о Палестине, о героизме еврейских войск. Составляли планы выезда в Израиль. У нас было пораженческое настроение. Мы осуждали тактику и стратегию борьбы Сталина с немецким фашизмом.

Кит: У меня сложились глубокие националистические убеждения. Я всегда болезненно переживал то, что происходило с евреями. Во время военных событий в Палестине я всячески проявлял интерес к ним и выражал свою радость. Я говорил, что теперь решается вопрос о судьбе еврейского народа и еврейской культуры. Когда образовалось государство Израиль, я говорил, что только там евреи найдут себе убежище, смогут развивать свою культуру, литературу, искусство. Я восхищался, что наконец евреи обрели свою Родину, где они будут свободны и равноправны.

Губерман: На наших встречах мы обсуждали национальные проблемы. Обменивались опытом нашей пропагандистской работы в Одессе, Тирасполе, Коминтерновском и других районах. Восхваляли буржуазных писателей Европы и Америки, их произведения.

В таком духе говорили и другие подсудимые.

Так 20 января 1951 года появляется постановление об объединении следственных дел в одно — уже не индивидуальное, а групповое, это дело о контрреволюционной, националистической организации. В нем читаем: "Поддерживая на основе общности националистических взглядов преступную связь, проводили организованную антисоветскую националистическую деятельность".

А в обвинительном заключении значилось: "Они были сторонниками создания в Палестине еврейского буржуазного государства; проводили агитацию за выезд евреев из СССР в Палестину; выступали против национальной политики ВКП(б) и Советского правительства; возводили клевету на советскую действительность; проявляли настроения измены; восхваляли буржуазный строй и буржуазную демократию".

И приговор: по 10-15 лет каторжных работ каждому.

Как начиналась и складывалась жизнь Айзика Губермана?

Он родился 14 апреля 1906 года в семье ремесленника из местечка Фельштын, теперь село Гвардейское Хмельницкого района Хмельницкой области (в справочнике "Письменники Радянської України" — К., 1988, стр. 170 — указано ошибочно: "народився у м. Червоногвардійсько-му Вінницької області"). До 1920 года учился частным образом, изучал еврейский и русский языки, историю иудейской религии, общественных отношений, литературу и культуру. В четвертый год революции стал учеником четвертого класса фельштынской трудовой школы. Получил аттестат об образовании. Окончил в Проскурове (ныне Хмельницкий) курсы по подготовке и фабрично-заводское училище. С 1926 года учился в трехгодичном Одесском высшем педагогическом техникуме. По государственному назначению работал педагогом в трудовой одесской школе № 96. В 1930 году приглашен на работу преподавателем педагогического техникума. После четырех лет учительства перешел на должность заведующего литературной частью Одесского государственного еврейского театра.

В это время Айзик Шмулевич активно занимается творческой деятельностью. Печатает стихи и очерки в еврейских газетах и журналах, пробует свои силы в драматургии. В 1934 году издает сборник лирических стихотворений и поэму "Подолли — майн гейли" ("Подолье — родина моя"), в 1939 — книгу "А штибл баш тайх" ("Домик у реки"). На сценах еврейских театров поставлены две его бытовые комедии "Юос мейда фун Москва" ("Московская девушка") и "А гост фун енар велт" ("Гость с того света").

Как заведующий литературной частью еврейского театра он многое делает в области репертуарной политики. Благодаря Айзику Губерману зрители увидели комедии Карла Гольдони "Хозяйка гостиницы" (роль Мирандолины исполнила Лия Бугова), Лопе де Вега "Собака на сене", Александра Островского "Без вины виноватые" (Кручина — Л. Бугова)... Это были этапные работы театра. О них писала местная и республиканская пресса, они отмечены вниманием "Театральной энциклопедии".

В начале войны Айзик Губерман эвакуируется сначала в Ростов, потом в Орджоникидзе и Самарканд, где работает преподавателем средней школы № 25.

28 февраля 1942 года призван в армию. Служил рядовым Второй стрелковой бригады Уральского военного округа. Писал историю своей части. Потом его переводят на должность литературного работника газеты Второй учебной танковой бригады. В 1945 году в звании лейтенанта назначен заместителем редактора.

В эти годы Айзик Губерман написал десятки очерков, множество поэтических произведений; увидела свет рампы его пьеса "Трус" (1943).

Творческий взлет писателя был насильственно прерван.

Полистаем еще страницы следственного дела № 5178.

Сначала Айзик Шмулевич привлекался к следствию как свидетель по делу "националиста" Кита Соломона Абрамовича — бухгалтера Одесского педагогического училища. Но вскоре, после допроса с применением пыток, его переводят в ранг обвиняемого. Вот протокол этого рокового допроса. 6 декабря 1950 года ведет старший лейтенант Зинченко (во всех делах следователи не обозначали свои инициалы, только фамилии). Изложив сущность постановления об аресте, следователь требует:

— Говорите правду. Только правду.

Губерман отвечает: Антисоветской деятельностью я не занимаюсь.

Следователь: Вы не пытайтесь отрицать. Говорите о своей антисоветской деятельности.

Губерман отрицает свою причастность к сионистской организации.

Следователь: Нам все известно. Показывайте правду.

Губерман: Я отрицаю предъявленные мне обвинения.

Следователь: Не крутите. Нам все известно.

После физических истязаний звучат совсем другие слова.

Губерман: Я признаю, что являлся еврейским националистом и занимался антисоветской националистической деятельностью.

12 декабря 1950 года следователь Зинченко пишет постановление, в котором читаем: "Губерман Айзик Шмулевич достаточно изобличается в том, что он в прошлом являлся сионистом, участником антисоветской сионистской организации, занимался преступной деятельностью".

Так свидетель стал обвиняемым. В тот же день начался новый виток допросов. Его начало — 22.00, окончание — 4.15. Следователь торопится записать как можно больше "признаний".

Губерман: Я виновным признаю себя полностью. В прошлом являлся сионистом, участником антисоветской сионистской организации, поддерживал связь с руководителем этой организации.

Дальше следовало, что его "сионистские взгляды" складывались с юношеских лет. Что еще в техникуме, где он учился, была литературная группа, которая стояла на националистических позициях. Она являлась одной из преемниц Бунда, что местом их собраний и заседаний была центральная еврейская библиотека. Возглавлял группу преподаватель техникума Арон Воробейчик. Духовным пастырем был редактор газеты Соломон Алик. Уже тогда он написал националистическую поэму "Моя анкета", а также антисоветские стихи "Агроном" и "Тракторист". Читал их в клубах Березовского, Коминтерновского, Кулиндоровского районов, а также на литературных вечерах в Тирасполе и Вознесенске. В 1935-1936 годах выразил недовольство закрытием еврейских школ. В последующие годы восхвалял деятельность ГОСЕТа и его руководителя Соломона Михоэлса. Весьма положительно оценивал националистический роман Нотэ Лурье "Степь зовет", пропагандировал стихи врага народа Ицика Фефера "Комсомолка", "Цветущий сад", "Песня о Биробиджане", преисполненные троцкистских взглядов, поддерживал связи с многими буржуазными еврейскими писателями-националистами Европы и Америки. В 1939 году, когда артистка еврейского театра Лия Бугова написала письмо в ЦК КП(б) Украины с просьбой разрешить ей перейти в Русский драматический театр им. А. Иванова и, получив разрешение, перешла туда, он, Губерман, якобы назвал ее предательницей еврейского народа.

Оказывается, что Айзик Шмулевич не прекращал своей националистической, сионистской деятельности и в годы Великой Отечественной войны. Он поддерживал связи с националистами Лурье, Вайнерманом, Друкером. У него бывали на квартире и вели националистические и пораженческие разговоры журналист киевской газеты "Дер штерн" Люмкис, еврейский писатель из Львова Бомзе, писатель-киевлянин Забара. Они клеветали на партию и правительство, на Советскую Армию, восхваляли гитлеровские войска.

Утверждалось, будто особенно активно развернулась его националистическая деятельность после сорок шестого года. Он встречался с писателями-сионистами Иосифом Бухбиндером, Этей Шехтманом, Павлом Сито. Резко осуждал разгон еврейского антифашистского комитета, закрытие Государственного еврейского театра, школ, газет и журналов. А буду-

чи секретарем партийной организации Одесского отделения Союза писателей, он якобы прикрывал антисоветские, космополитические выступления позже разоблаченных врагов народа.

Губерман оговаривал себя. Выхода не было. Так поступали и другие подследственные. Если судить об их показаниях сегодня, заметим: говорили они правду. Но факты тенденциозно извращались, подтасовывались, фальсифицировались, им придавался политический смысл.

Вот, к примеру, показания Ирмы Друкера. Свидетельствует протокол допроса от 10 июля 1950 года.

Следователь: Конкретизируйте свои показания об антисоветской националистической деятельности Губермана.

Друкер: Губерман — сын лавочника. По идеологии националист. Начиная с 1926 года он поддерживал связь с бундовцами Абрамом и Меламедом, которые проводили в Одесской области националистическую пропаганду и были осуждены в 1937 году. В 1930 году он выступил с явно антисоветской поэмой "Анкета". В 1937 году на собрании коллектива еврейского театра он выступил в защиту порочной националистической линии ГОСЕТа и его руководителя Михоэлса. Он с ним встречался до войны и после войны. В 1948 году после смерти Михоэлса Губерман выступил на вечере памяти с воспоминаниями. Он восхвалял Михоэлса, говоря: "Все мы выглядели бы дураками, если бы среди нас сидел Михоэлс. Это самый душевный человек из всех, которых я видел в своей жизни". В дни войны на квартире Губермана в Орджоникидзе собирались националисты. Они критиковали правительство, клеветали на Советскую Армию. В те годы из карьеристских соображений Губерман поступил в партию. Будучи секретарем партийной организации Союза писателей, говорил: "Партия ругает не за то, что ничего не делаешь, а за то, что плохо делаешь. Так лучше ничего не делать". Губерман — человек в маске, он двурушник. В период палестинских событий он говорил: "Палестина для нас дорого обойдется. На случай войны на всех нас, евреев Советского Союза, будут смотреть как на пятую колонну". После запрещения еврейского антифашистского комитета он твердил, что все мы обречены. А после ареста Фефера, Маркиша, Квитко и других заявлял, что это только начало, что будут отвечать все евреи...

Так было сфабриковано дело, по которому в январе 1951 года составлено обвинительное заключение. Оно направляется на рассмотрение Особому Совещанию при МГБ СССР с ходатайством о применении меры наказания — исправительно-трудовой лагерь сроком на 15 лет. После рас-

смотрения и утверждения заключения замначальника УМГБ Одесской области полковником Гавришем и прокурором Цветковой, которая сочла возможным заменить 15 лет каторги на 10, после утверждения его министром Госбезопасности Украинской ССР Есипенко, в мае 1951 года дело № 5178 попадает на рассмотрение в Особое Совещание. Его приговор был окончательным.

Но все осужденные, в том числе и Айзик Губерман, его родные и друзья не сдаются. Они ищут защиты, справедливости. Во все инстанции идут жалобы, доказательства невиновности.

26 марта 1954 года заместитель председателя Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР К. Лунев подписал следующий документ: "Заключение УМГБ Одесской области является недостаточно обоснованным, виновность полностью не доказана, следствие проведено не полно и ряд фактов остался непроверенным. Просить прокурора решение Особого Совещания отменить, дело возвратить на новое рассмотрение".

31 июля 1954 года принимается решение об этапировании Губермана А.Ш. из лагеря в Норильске во внутреннюю тюрьму Одессы. В августе начались новые допросы, очные ставки со свидетелями, экспертиза литературных произведений. Теперь дело вел старший следователь капитан Хижняк.

Десятки людей были включены в борьбу за правду. Айзик Губерман категорически опровергает все предъявленные ему обвинения, заявляет, что протоколы допросов составлялись необъективно: "Их я подписывал после применения незаконных методов следствия".

Из заключительной докладной записки явствует: "Допрошенные свидетели В.В. Коган-Шац, И.Л. Шейнгауз, Е.Ф. Бондаренко (Бандуренко), И.М. Квитко, Я.Э. Казавчинский, Я.П. Кабак, Этя Губерман показаний об антисоветской, националистической деятельности Губермана не дали. Перепроверить показания Янкилевича и Курляндера (они обвинялись как руководители сионистской организации) не представляется возможным, так как они осуждены к высшей мере наказания". (Приговор был исполнен.) Указывалось, что эксперты произведений Губермана доценты А.В. Недзведский и Б.А. Шайкевич, поэт И.И. Рядченко сионистской пропаганды не нашли, а выступления на литературных вечерах не носили антисоветского характера.

После этого следовало постановление: "В связи с тем, что новых доказательств для предания А.Ш. Губермана суду нет, следствие прекратить. Из-под стражи освободить".

Казалось, восторжествовала правда. Но необходимо было реабилитировать имя честного гражданина, талантливого писателя. Это произошло лишь в феврале 1989 года, уже после смерти писателя. По докладной, составленной помощником прокурора Одесской области, юристом второго класса В.И. Копытиным, прокурор области государственный советник юстиции третьего класса В.В. Дацюк утвердил постановление об отмене уголовного дела "за отсутствием в действиях состава преступления".

Трудно, тяжело возвращался к творческой жизни Айзик Губерман. Он был физически слаб, молчалив, малообщителен. Но его окружала заботливая, чуткая семья. Рядом были друзья-театралы И. Гриншпун, М. Водяной, журналист А. Шнайдер, писатель Е. Бейдар. Они поддерживали и материально, и морально. Писатель начинает работать с Одесским театром музыкальной комедии, пишет несколько пьес. Они возродили Губермана, принесли ему признание.

Поистине огромным успехом пользовалась музыкальная комедия "Дарите любимым тюльпаны". В первой редакции пьеса назвалась "Веселые студенты"; она была написана в 1956 году совместно с Александром Шнайдером. Музыка создал Оскар Сандлер. В мае того же года машинописный текст пьесы был отослан в Киев в Главлит на своего рода цензуру. 25 сентября авторы получили разрешение № БФ 02079 на постановку. Однако этого было недостаточно. Следовало еще получить "добро" Управления театров Министерства культуры на осуществление спектакля в Одесском театре музыкальной комедии. Ровно через месяц, 25 октября 1956 года, на каждой из 64 страниц стоял штамп, дабы не появилась так называемая "отсебятина".

Сразу началась кропотливая работа Изакина Гриншпуна, заслуженного деятеля искусств УССР, художника Л. Файленбогена, балетмейстера Н. Дельсона, ведущих артистов театра Михаила Водяного, Евгении Дембской, Надежды Бухариной, Юрия Дынова, Маргариты Деминой, Идалии Ивановой, а также Н. Удода, А. Сивцова, М. Дашевского, Н. Кочкина. Создан великолепный ансамбль. Это была, как вспоминал позже режиссер, радостная работа. В первом сезоне спектакль прошел более ста раз и вызвал положительные отклики. В мае 1957 года после просмотра министерской комиссией спектакль рекомендовали на Всесоюзный фестиваль. Там коллектив был отмечен премией и ценными подарками, создатели спектакля стали лауреатами.

Чем покорял спектакль? Остротой и емкостью реплик, творческой

свежестью, романтизмом. Влюбленность Айзика Губермана в родную Одессу, преданность ей и сегодня воспринимаются как исповедь.

Читаю письма писателя с далекой каторги. В них одна сквозная мысль: выстоять, выдержать все и увидеть свой необыкновенный город, неутомимое море, упиваться запахом белой акации, созерцать поразительной яркости свечи благословенных каштанов. Там, в сибирской тайге, в лютые морозы и метели он выжил благодаря любви к городу своей мечты.

Теперь душа поэта Губермана угадывалась в ремарках пьесы. Он был также мастером динамичных диалогов, умело строящим характеры героев. Его дополнял Александр Шнайдер — юморист, автор тонких, острых реплик, всегда вызывавших бурный смех и аплодисменты.

Вот одна из ремарок. Входит маленький, лысый, тщедушный Антон Зажигалкин, увешенный вещами. Он все время оглядывается, будто за ним кто-то гонится. Следом появляется жена. Высокая, широкоплечая, крупная женщина в пенсне. Едет он, она провожает. Они останавливаются невдалеке от трапа. Она достает из своей сумки спасательный круг. Два выдоха — и спасательный круг надут. Муж покорно наклоняет голову. Она одним махом надевает круг на его шею, снимает пенсне и целует его в лоб, поворачивает и рукой повелительно показывает на трап. И муж пошел. Никакие преграды ему не страшны. Он пошел по чемоданам, по узлам. Все почувствовали, что этот человек не остановится. И даже мадам Карасик растерялась.

Немая сцена? Да, без слов, но говорящая. Долгие минуты зрительный зал хохотал — то затихал, то срывался на гомерический смех. А потом аплодисменты. Да какие аплодисменты! Великолепны, неповторимы в этих ролях были Михаил Водяной и Надежда Бухарина.

О Губермане-писателе вспоминает Юрий Дынов, заслуженный артист Украины: "Это был неутомимый труженик. Кроме большого таланта он обладал высоким чувством ответственности и требовательности к себе и к другим. Из лагеря он прибыл абсолютно изможденным, молчаливым, но непокоренным. Он работал без усталости. Мы, молодые тогда актеры, диву давались. Откуда у него столько силы, замыслов? Это была какая-то душевная жажда, скопище дум, замыслов. Желание сделать быстрее, сделать добротнее. Это как с деревом или виноградом. Подрежь его, и кажется, что это гибель, конец. Но он бросается в рост, воссоздает себя в новых побегах. Так было и с рукописью комедии "Дарите любимым тюльпаны". Казалось, все сделано. Есть разрешение к постановке, идут репетиции. Губерман все время в театре. Все время в работе. Он меняет реплики, делает вставки, дописывает текст".

После бесед с Юрием Дыновым я разыскал текст комедии и начал сравнивать варианты. Вот только один пример. В первой редакции в сцене прощания Ирины должна была звучать украинская песня "Черноморець, матінко". Когда на репетициях выяснилось, что своей тональностью и настроением она не совпадает со сквозным действием, появляется новый вариант. В дальнейшем полностью переписываются первые картины первого действия, снимается образ Ружены и весь принадлежавший ей текст. Идет настоящая шлифовка языка, реплик, характеров. Таков был драматург Губерман в работе.

В 1958 году в соавторстве с А. Шнайдером написана пьеса "Невесты не должны плакать" (в первой редакции "Чайки вернутся на берег"). Музыка оперетты создал Оскар Сандлер. В январе 1959 года состоялась премьера спектакля. Его поставили режиссер И. Гриншпун, дирижер Е. Винницкий, художник Л. Файленбоген. В главных ролях выступали И. Иванова, М. Водяной, Е. Дембская, Ю. Дынов, М. Демина.

Читаю рукописи этого произведения — их три. И снова вижу Губермана — мастера ремарки и динамичного монолога, неутомимого и требовательного к себе автора. И очень доброго человека, поднявшего свой голос в защиту свободы и духовности.

Это впечатление подтверждают воспоминания Николая Павловича Удоа:

— Меня, — рассказывает артист, — поражала искренняя дружба Айзика Шмулевича с моим добрым приятелем Сашей Шнайдером. Они, как говорят, были "неразлейвода". Дополняли друг друга. Оба добрые, глубоко интеллигентные, внимательные. С ними было легко работать. Никаких капризов, неприятий. Это особенно дало себя знать во время работы над спектаклем "Невесты не должны плакать". Тема пьесы и ответственная, и трудная, скажем прямо — не опереточная, а трагическая. Падают бомбы, гибнут люди. Нужно было на ходу что-то менять, править, находить правильные сюжетные ходы. Айзик Шмулевич внимательно, с пониманием выслушивал и режиссера, и нас, актеров, делал новые варианты отдельных картин. Он душой болел за наше общее дело..

Артистка Евгения Дембская вспоминает, что обсуждение пьесы было бурным, бескомпромиссным, но доброжелательным. Это помогло снять прозаические длинноты третьего акта, укрупнить любовную сюжетную линию, усилить конфликт отношений. Выиграла и музыкальная составляющая, где слились нежность и юмор, сердечность и улыбка, радость и сочувствие.

В рецензии, опубликованной спустя месяц после премьеры, Ю. Вла-

димиров и А. Градзиевский объясняли секрет успеха "подлинно товарищескими взаимоотношениями театра с авторами". В похвалах актерским работам слышится мнение о литературной первооснове спектакля: "Артист Ю. Дынов безукоризненно справился с ролью. Он убедительно раскрыл внутренний мир своего героя, сумел передать сложное восприятие действительности незрячим: острую радость человека, впервые познавшего свет и любовь"; "У Водяного лучшая комическая роль спектакля. А лучшая сцена — в ресторане, где Зажигалкин, молчаливо посетовав на дороговизну, флегматично лущит крутое яйцо, время от времени боязливо поглядывает на певицу, поющую о страстях безумной любви. Кульминация этой роли — покаянный монолог мужа".

С несколько меньшим, но все же значительным успехом шла в Одесском театре музкомедии оперетта "Невесты не должны плакать". Ее рецензенты — музыковед В. Шип, писатели Юрий Усыченко и Владимир Лясковский, театровед В. Градзиевский отмечали отказ авторов и театра от стандартных опереточных героев, яркую драматическую интригу. Собственно, речь снова шла о мастерстве авторов, предопределившем успех театральной постановки.

Айзик Губерман продолжал работать. Печатал стихи и очерки в одесских газетах, в альманахе "Горизонт", в журнале "Советиш геймланд". За год до смерти, в 1965 году, выпустил сборник стихотворений и поэм. Поэзия оставалась с ним... В ней пела скрипка души.

